

СОВЕТСКОЕ НАСЛЕДИЕ В НОВГОРОДСКОЙ ГОДОНИМИИ

Теоретические основы исследования

Пользуясь терминологией, принятой в ономастике [Подольская 1988], можно утверждать, что *годономия* – совокупность имён улиц — одна из самых старых и самых заметных частей городского ономастикона, которая у всех на виду и у всех на устах. Нам кажется, что термин можно использовать несколько шире, чем предлагается в указанном словаре, не противопоставляя наименования улиц и площадей, для которых там дается особый термин *агороним*, ведь площади не обнаруживают специфических принципов номинации или особого репертуара названий. Нет оснований сомневаться в том, что традиции именования *улиц, площадей*, а также *проспектов, проездов, бульваров* и *переулков* весьма близки; и хотя распределение линейных объектов городского пространства по этим категориям представляет определённый интерес, однако для изучения проблемы в заявленном аспекте их различие не существенно, что делает достаточным использование одного термина. Отметим, что городская годонимия — излюбленный объект изучения историков и краеведов.

С позиций лингвистических следует отметить, что у годонима есть три задачи: 1) *дифференцирующая* – отличать свой объект от других; 2) *семантическая* – сообщать о нём что-то; 3) *семиотическая* – фиксировать некоторые социально значимые смыслы. Первая задача – первична, это программа-минимум (другое дело, как она выполняется конкретным годонимом в конкретном городе); две другие – как будто

факультативны, но в реальности едва ли не более частотны для современных годонимов.

Исторические годонимия сложились как система принципиально семантическая: имена улиц в своей совокупности были своеобразным путеводителем по городу, информируя о его ландшафте, основных сооружениях, жителях и их занятиях, направлениях к соседним городам. Это хорошо видно на примере московской топонимии XVII века, в которой имена улиц ориентируют относительно монастырей и церквей (*Благовещенская, Ильинская, Сретенка*), информируют о жителях и о том, что они делают (*Оптекарский, Колачная, Конюшенная, Певчая*), обозначают направления от Москвы (*Серпуховская, Тверская*) [Кусов 1985]. Предположение о том, что примерно так же обстояло дело и в других городах, не кажется большим преувеличением.

Ситуация резко изменилась в начале XX века после октябрьских событий. Так, в Москве в 1921—1922 гг. было переименовано 447 улиц [Ефремов 1985]. Но дело даже не количестве, кардинально изменились принципы наименования, превратив ориентирующе-семантическую систему годонимии в семиотическую. Имена улиц становятся частью политического словаря эпохи, первоначальным учебником политграмоты, унифицируя все города: в каждом непременно были улицы Ленина, Маркса, Пролетарская, Советская... При этом среди советских годонимов можно противопоставить **демонстративы** и **меморативы**. Первые предъявляли населению советских городов новые ценности – Революция, Диктатура пролетариата, Республика, Новая Заря. Назначение вторых – увековечивать имена вождей и героев революции, позднее войны. Поскольку эти списки достойных увековечивания пересматривались, это вызывало потрясения в годонимии. Присутствие всех увековеченных в именах улиц было

далеко не безусловно, память о них приходилось поддерживать разными способами: мемориальными досками «Эта улица названа именем героя...», публикациями в городской прессе, даже специальной литературой, см. , напр. [Горбачевич, Хабло 1961].

Надо сказать, что меморативный принцип называния улиц настолько усвоен советскими людьми, что они до сих пор привержены ему и не сомневаются в обязанности улиц хранить имена достойных людей. Во многих городах обсуждается только одно – чьи именно фамилии должны стать именами улиц. Доказать, что это не входит в задачи годонимов, что у них есть другие – более значимые для горожанина – функции, чаще всего не удаётся. Рассматриваю это как одно из последствий советской годонимии для культурного сознания жителей российских городов.

Второе последствие вижу в том, что наше языковое сознание сильно травмировано родительным падежом, поскольку и демонстративы, и меморативы оформлялись преимущественно формой родительного падежа – *Мира, Революции, Ленина, Горького*. И это на фоне того, что улицы дореволюционных городов именовались преимущественно прилагательными типа *Тверская* или существительными типа *Сретенка*. Сегодня этот преобладающий при советской власти родительный видится (и слышится!) и там, где его нет и не может быть.

Эти две особенности языкового и культурного сознания советских людей проявились весьма интенсивно в 90-е гг. прошлого века, когда годонимия переживала очередную волну переименований. Если не говорить о сторонниках сохранения советской годонимии (а их число было не так мало, как может сейчас показаться), то сторонники переименования расходились в выборе достойных имён для замены. Полемика о переименовании, предложения новых имён для

увековечивания хранится в подшивках газет того времени в каждом городе.

О масштабах переименования говорит, например, такой факт, что в Ленинграде был издан специальный словарь, позволяющий соотносить старые и новые (часто – более старые) улицы [Городские 1990]. В результате годонимия некоторых современных российских городов сохраняет фрагменты советской поры, сосуществующие с восстановленными дореволюционными и новыми названиями. Однако удельный вес этих элементов, их соотношение с новыми, отношение горожан к тем и другим – всё это в каждом городе сложилось по-своему. И поэтому ситуация в каждом городе заслуживает специального исследования разных позиций – исторических, культурологических и собственно лингвистических.

Специфика годонимической ситуации в Великом Новгороде

Новгород относится к городам, в которых была предпринята попытка освободиться от советской годонимии, по крайней мере, в той части города, где улицы имели дореволюционные, иногда даже средневековые названия. Большая работа историков, направленная на выявление досоветских наименований, позволила подготовить решение Новгородского городского Совета народных депутатов от 12.09.1991 г. о переименовании 40 улиц исторической части города.

Старинные названия составляют предмет гордости новгородцев, поскольку оказываются «зримым» свидетельством древности города и уникальности его ономастикона. Особенно показательна в этом отношении улица Славная, которая признана самой древней улицей России, о чем сообщает мемориальная доска на одном из домов. В информации об этом событии, в частности, сообщалось, что *«улица Славная получила название от летописного племени словен, заселявших город. Это главная магистраль Торговой стороны Новгорода, сохранившая с конца X века свое*

первоначальное название. Топоним «Славная улица» был сохранен при перепланировке Новгорода после 1778 года и не изменился до настоящего времени» (<http://www.velikiynovgorod.ru/ushki.htm>).

Студенты-словесники на занятии по языку города знакомятся с мемориальной доской на Славной улице (фото из архива автора).

Что касается возвращенных имён, то некоторые из них вошли в широкий обиход: *Большая Санкт-Петербургская* (в устной речи – Петербургская, бывшая Ленинградская), *Большая Московская* (бывший проспект Ленина), *Великая* (бывшая Дмитриевская). Хотя их старые названия еще можно услышать в речи пожилых горожан, эти переименования можно признать наиболее удачными.

Наиболее неудачными оказываются такие наименования улиц, которые появились в результате принятия компромиссного решения – соединить в наименовании старое и новое название. Такое решение было принято по

отношению к 10 улицам. Продемонстрируем эту ситуацию на примере одной из них.

При советской власти улица носила имя Героя Советского союза (награжденного посмертно) Леонтия Арсентьевича **Черемнова**, родившегося на Алтае в 1913 году и совершившего в 1944 году при взятии Новгорода подвиг самопожертвования: вместе со своими однополчанами И. С. Герасименко и А.С. Красиловым он закрыл телом вражескую амбразуру (имена однополчан тоже увековечены в новгородских улицах).

В 1991 году при переименовании улиц предложено вернуть ей её средневековое название Конюхова, по занятию жителей улиц. Надо сказать, что средневековый Новгород заселялся по цеховому принципу, что отражается в его топонимии: улицы Конюхова и Щитная, районы Плотники и Кожевники. Органичное для Новгорода, но уже, естественно, неинформативное название вызвало сопротивление горожан, обеспокоенных тем, что память о героях войны, которым город обязан своим освобождением от фашистской оккупации, будет предана забвению.

Принимая во внимание законность этих гражданских чувств, исполком принял решение сохранить оба имени. Они изображаются на одной табличке, как видно на фото, то без всяких знаков препинания, то с тире (?)¹.

¹ В работе использованы снимки автора, В.Карпушкина и К.Бужова, а также М.Ю. Федосюка. Всех благодарю за предоставленные материалы.

В результате на одной табличке оказались омонимичные формы родительного падежа фамилии и именительного падежа притяжательного прилагательного от апеллятива *конюх*. Соединённые одним пространством, они создают впечатление как будто бы одного сложного имени. Возникают смысловые и практические сложности его использования. Новые поколения новгородцев, не знакомые с историей улицы и её имён, думают, что имя отсылает к одному лицу. Как написал в сочинении четвероклассник школы №13, «улица названа в честь конюха Черемнова» [Мозгалёва 2004]. При всей фантастичности этой наивной версии нельзя не признать, что она основана на реальном анализе текста. В силу громоздкости нового наименования продолжают пользоваться старым: оно и понятнее, и удобнее. Именно старое имя улицы можно услышать и в автобусе от водителя, объявляющего остановки (здесь проходят многие маршруты городского транспорта), и от горожан.

Неудачность этого переименования можно видеть в том, что городские власти не придают значения такому моменту, как техническое исполнение таблички с названием улицы. Именно одно пространство для двух имён

создаёт путаницу и дезориентирует горожан.

Если обратиться к опыту решения аналогичных проблем в других городах, то нельзя не заметить, что, например, в

Ельце (снимок 2004 года) названия разных эпох помещены на разных табличках (хотя и рядом расположенных) и разными шрифтами – это и обеспечивает их правильное прочтение.

Еще более показательна ситуация с одной из улиц в Ярославле, пережившей многократные переименования, и все они становятся известны современному горожанину благодаря такому оформлению наименования (наименований) улицы. Отличить актуальное имя от исторических нетрудно: последние сопровождаются пометой «бывш.».

Таким образом, советское годонимическое наследие сохраняется в Новгороде не только в памяти горожан, но и в городской эпиграфике. Но в отличие от других городов, здесь нет явного различия между старым и новым названием, и поэтому советское актуализировано, не переведено в ранг исторического.

Подобные проблемы представляют собой компромиссные наименования улиц *Литвинова—Лукина, Мерецкова—Волосова, Телегина – Редятина, Герасименко— Маницына, 1 мая – Ильина*. Все они включают в качестве первой части фамилию из советских «святцев», а в качестве второй – притяжательное прилагательное от христианского (*Ильина, Лукина*) или даже языческого (*Волосова*) имени. Их противоречие нормам русского языка отмечалось лингвистами [Петрова 2001. С.3]. Несколько устрашающее впечатление производит сочетание *Бредова –Зверина*, соединяющее фамилию новгородца Анатолия Фёдоровича *Бредова*, погибшего при освобождении Печенгского района Мурманской области, и название *Зверина монастыря*, находящегося здесь. Почему прилагательное стало полным и таким звериным, непонятно.

В результате соединение двух имён в одном компромиссном наименовании возникают и более странные и идеологически неприемлемые «кентавры», например, улица *Мусы Джалиля –Духовская*. Первая часть представляет собой литературный псевдоним известного татарского поэта, военкора газеты «Отвага» печально известной 2-й Ударной армии, погибшего в Маобитской тюрьме, посмертно ставшего Героем Советского Союза и лауреатом Ленинской премии. Вторая часть названия напоминает о Духовом монастыре, располагавшемся на этом месте, несколько сооружений которого находятся здесь и сейчас. Выглядит по крайней мере неестественно. Удивительно, что против такого соединения православного и мусульманского не возражает церковь.

О том, что сопротивление процессу «прощания с советским» оказывалось не только в начале 90-х, в разгар кампании возвращения старых топонимов и тем самым десоветизации городской среды, но и продолжает ощущаться полтора десятилетия спустя, говорят такие факты.

В преддверии 60-летия Победы в Великой Отечественной войны ветераны инициировали возвращение Софийской площади её советского названия Площадь Победы. Участвуя в заседании Топонимической комиссии, посвященной обсуждению этой инициативы, я могла наблюдать, насколько остро воспринимается, казалось бы, чисто языковая проблема. Несмотря на многочасовые дискуссии, решение было принято вновь компромиссное: теперь площадь носит наименование *Софийская-Победы*.

Второй, не менее показательный факт: проблему переименованных улиц использовал в своей избирательной кампании один их кандидатов в городскую Думу, издав специальный буклет, который можно рассматривать как словарь имен улиц [Афанасьев 2006]. Это подтверждает, что проблема относится к тем, что могут вызвать эмоции горожан и расположить их к кандидату. Высказывая благодарность некоему Александру Власову за помощь в подготовке издания, кандидат в депутаты предлагает избирателям

довольно полную информацию о героях Отечественной войны, чьи имена увековечены в названиях новгородских улиц, приводит список всех переименованных улиц, с удовлетворением отмечает, что в апреле 2005 года Софийская площадь получила двойное название, и теперь «имя Великой Победы, которое впервые появилось на карте города в 1946 году, в канун первой годовщины победы советского народа в Великой Отечественной войне, стало вровень с древней Софией, святой покровительницей нашего замечательного города, города-воина, вписавшего немало героических страниц в историю Отечества» [Афанасьев 2006. С.15].

Стоит отметить, что позиция депутата – более компромиссная, чем инициаторов переименования: те требовали возвращения советского названия, потому что «нашу победу отдали попам». И попытки объяснить, что София за почти тысячелетнее присутствие в нашем городе уже давно срослась с ним, Софийская площадь начинает Софийскую сторону Новгорода и потому такое название ориентирует в нём и организует пространственные представления, разбивались об агрессивное нежелание признавать что-либо кроме желания видеть свою победу в борьбе за площадь Победы. Идеологическая позиция исключала рассмотрение соображений о значимости других исторических событий и периодов, приемлемости имени для горожан всех поколений, наконец, о простом неудобстве, возникающем от переименовании города каждые десять лет.

Пытаясь понять, в чем причина такой ситуации, приходишь к выводу о том, что, во-первых, исторические наименования оказались слишком далёкими для горожан, они отсутствовали в их исторической памяти. Ведь возвращённые имена не помнил никто, они сохранились только в документах. И хотя существовала специальная литература [Строгова 1993; 1995], появлялись даже газетные публикации [Нарышкин 1997], фактом исторического сознания это не стало. Ведь одно дело вернуть на вывеску такое имя питерской улицы, которое известно по литературе XIX века, а

другое по документам XIV—XV вв., доступным только архивистам и историкам. Иначе говоря, то, что исторически выглядит возвращением годонимов, на большинство горожан производило впечатление обновления, введения в язык города новых имён.

Второе обстоятельство, препятствовавшее усвоению возвращённых имён, состоит в их непонятности. В самом деле, что такое Розважа, Людогоща? Особенно трудно смириться с тем, что именами улиц стали слова, у которых есть другое, совершенно не уличное значение, -- газон, баян, ручей. Обобщая, можно сказать так: при советской власти сложился определённый *годонимический стандарт*, ощущаемый большинством горожан чисто интуитивно. Противоречия этому стандарту воспринимались как покушение на привычки и внесение неупорядоченности в язык города. В исправление этой ситуации власти города подготовили специальные доски с разъяснением смысла некоторых возвращённых имён, например, Людогощей или Чудинцевой.

Эта запоздавшая мера оказалась не очень эффективной уже хотя бы потому, что была предпринята тогда, когда общественный интерес к проблеме переименований утих, к новым именам как-то притерпелись, да и старые спокойно можно использовать.

Наконец, нельзя не согласиться с тем, что отказ от меморативного принципа годонимии, хотя бы даже и частичный, выглядел как покушение на память достойных людей, переоценку событий, значение которых для советских людей было необсуждаемо высоким и по отношению к которым они испытывали чувство приобщённости, причастности («я сам воевал, мой отец, дед воевал; они погибли за наш город»). Отказ от ряда меморативов в годонимии производил впечатления манкурстства, если использовать популярное слово Чингиза Айтматова. Поэтому то, что объективно было восстановлением справедливости, субъективно в сознании горожан оказалось несправедливостью по отношению к людям, к истории, биографически ощущаемой. Неудачи переименования улиц в Новгороде заставляют задуматься о том, что такое ощущаемая живая история для наших современников и какое место в ней занимает советский опыт наших сограждан. Языковая политика городских властей, как кажется, учитывает многое, но об этом говорят меньше всего.

Советское наследие в новгородской годонимии

как проблема речевой культуры

Осмысление проблемы в аспекте речевой культуры связано, как это ни странно, с пониманием места советского наследия в современной годонимии.

В целом ситуация выглядит так. В годонимию были введены четыре десятка новых имён, различных грамматических характеристик. Опираясь на анализ, представленный в [Петрова 2001], можно сказать, что наиболее удачными оказались адъективные годонимы типа *Большая Московская, Великая, Нутная, Прусская, Сенная, Предтеченская, Стратилатовская, Тихвинская, Новолучанская* и др. Их включение в самые разные контексты не вызывает трудностей. И хотя семантически эти имена прозрачны в разной степени², их грамматическая очевидность и топонимичность обеспечивают им беспроblemное функционирование в речи.

На втором месте по удачности вхождения в современное языковое общение оказались субстантивные годонимы – *Рогатица, Оловянка, Газон*. Хотя в советском Новгороде таких имен улиц было, их включение в высказывания не вызывают трудностей: *по Рогатице, на Оловянке, до Газона*. Конечно, нельзя не увидеть, что первые два имени более естественны для годонимии хотя бы потому, что это субстантивы женского рода. Образования с суффиксом *-к-* освоены русской городской годонимией давно, достаточно вспомнить московские улицы Варварку и Остоженку. С Газоном сложнее: его апеллятивное значение, его явное временное и языковое расхождение с другими новыми именами как-то останавливает на нём внимание, но не препятствует использованию в нужной форме.

² Так, недавно высказано предположение о происхождении названия улицы Нутной от шведского слова *ett nöt*, означающего 'крупный рогатый скот' [Кохановский 2008. С.80]. Это вполне согласуется с информацией о том, что в древнерусском языке использовались слова *нут* и *нутник* 'торговец скотом', а также о том, что «улица примыкала к древнему новгородскому торгу и, видимо, была прогонной для скота» [Строгова 1993.С.30]

Настоящие трудности вызвали у новгородцев возвращенные имена, представляющие собой притяжательные прилагательные.

Одни из них с суффиксами *-ов/ев* и *-ин/ын* воспринимаются как формы родительного падежа: *Чудинцева, Яковлева, Волосова, Михайлова; Лукина, Ильина, Редятина, Маницына*. Причина этого уже была названа – травмированность языкового сознания родительным падежом, который вытеснил из советской годонимии все другие модели и стал своеобразным годонимическим стандартом. К тому же, новые годонимы стали буквально на место оформленных родительным падежом и естественно воспринимались как их преемники; так Чудинцевой стала улица Толстого, и параллельно висящие вывески «Толстого» и «Чудинцева» читались как две однотипных формы – родительного падежа. И вопрос «Кто такой Чудинцев и чем он лучше Толстого?» приходилось слышать неоднократно. Конечно, большинство людей, с которыми приходилось обсуждать эту трудность новгородской речи, понимают, что есть притяжательные прилагательные и могут понять выражения *отцов дом* или *материны варежки*, но прецедентов с городскими именами вспомнить не могут, и говорить *на Чудинцевой улице* кажется странным. В газетных статьях об этой проблеме приходилось ссылаться и на фразеологизмы типа *ноев ковчег* или *ахиллесова пята*, и на питерские топонимы *Марсово поле, Тучкова набережная* [Шмелева 2007 а,б].

Прецедентом в собственно новгородской речи может служить разве что название всемирно известной церкви *Спаса Преображения на Ильине*, но оно воспринимается как цельное наименование, а когда речь заходит об Ильине улице, на которой и стоит храм, то все произносят ее Ильина, думая о каком-то герое Ильине. Между тем *Ильина улица* упоминается в летописи неоднократно начиная с 1311 года. Кто был Ильей, с которым, как оказалось, навсегда связана улица, неизвестно с достоверностью, есть некоторые предположения, но что это притяжательное прилагательное, сомнений нет [Васильев 2005. С.361].

Вторая группы притяжательных прилагательных представляет ещё большую сложность для новгородцев – это топонимы *Розважа, Людогоща, Добрыня, Данславля, Бояна*. Дело в том, что так называемые йотовые прилагательные известные современному языку только в полной форме типа *медвежий, лисий*, в своей первоначальной форме как притяжательные прилагательные просто не опознаются и воспринимаются как субстантивы неясной этимологии.

В подтверждении их неясности можно привести такой факт: в научно-популярной и даже методической литературе топоним Розважа толкуется как происходящее от глагола «развозить». «На берегу Волхова находилась пристань, откуда грузы развозились по городу» [Сергеева 2000. С.29; Зайцев, Кушнир 1975. С.31]. Между тем в монографии [Васильев 2005] доказывается, что это городское название – притяжательное прилагательное от личного имени Розвад, известное и у западных славян – Rozwad у поляков, отражающееся в современной фамилии *Розвадовский* и ряде топонимов (С.339). Кем был Розвад, за которым числилась улица, исторические источники не сообщают, само же имя улицы упоминают начиная с XIV века.

Столь же экзотичны для современного человека личные имена *Людогост, Данслав, Боян*. Меньшую оторопь вызывает имя *Добрыня* (спасибо знанию былин), но представить, что эта же форма – омонимичное прилагательное, всё-таки трудно. В результате в устной речи горожан, телевизионной и радиоречи, в разнообразных изданиях наблюдается ненормативное использование топонимов, они используются как всё тот же родительный падеж; см. напр.: *Лихая музыка атаки. Она звучала в минувшее воскресенье на спортплощадке по улице Даньславля, где прошли соревнования по мини-футболу с участием команд центра «Подросток» и 22-й школы* (Новгород 23.03.2006).

Причины этого видятся в том, что возвращение средневековых топонимов в городскую среду современного города не было обеспечено

лингвистическим сопровождением и разъяснительной работой, на что уже не раз обращалось внимание [Петрова 200; Шмелева 2001 б; 2007 а,б]. Поскольку вся работа по переименованию улиц проводилась историками, языковая сторона проблемы оказалась явно недооценённой. Участие лингвистов при выборе годонимов для возвращение в город тем более желательно, что для летописей и других исторических источников характерна вариантность написания имен, при отборе можно было бы учесть близость к современному языковому состоянию.

Показателен в этом отношении годоним *Федоровский ручей* (так, новгородски рекомендуют его произносить). Несмотря на его некоторую поэтичность и очевидную связь с церковью Фёдора Стратилата на ручью, название не соответствует современным годонимическим стандартам: оно двусловно, от него сложно образовать прилагательное, непонятно, как его изменять: на Фёдоровском ручье? ручью? Церковь Фёдора Стратилат стоит, ручья давно нет, и название для улицы Фёдоровская было бы не только семантически и исторически обоснованным, но и полностью соответствовало традиции называть улицы по находящейся на ней церкви. Кстати, ветераны на Топонимической комиссии, сражаясь за площадь Победы, предлагали заодно вернуть этой улице и её советское имя Гагарина. «Кто такой Фёдоров?» – строго спрашивали ветераны, доказывая, что меморативный принцип называния улиц им кажется единственно возможным.

Как возвращённое имя соотносится с языковым опытом нынешнего горожанина, не подумал никто, а обойти эту проблему нельзя. Ведь чтобы использовать в своей речи годонимы, люди должны понимать, как с ними обращаться – недаром для одной из газетных статей был выбран заголовок «Как обращаться с Чудинцевой улицей» [Шмелева 2007 а].

Кстати сказать, такого рода справочника у новгородцев нет и сейчас, хотя прошло уже больше полутора десятков лет, и количество неправильных

употреблений не уменьшается. Как не уменьшается число людей, не понимающих, что это за формы и как их использовать в речи.

Таким образом, «приживаемость» возвращенных имён в современную городскую речь не в последнюю очередь зависит от их грамматических характеристик, точнее от понятности этих характеристик современному горожанину. Увлечённые идеологической стороной дела и торжеством исторической справедливости, руководство города не придало значения собственно языковой стороне дела, и именно здесь обнаружились препятствия к освоению новых старых имён.

Заключение

Итак, проведённое исследование показывает, что советское наследие в новгородской годонимии весьма значительно. В новой части города оно присутствует вне полемики, как единственное наименование новых улиц – здесь мы найдём и демонстративы, как *проспект Мира*, и меморативы – *Коровникова*, *Ломоносова*, *Зелинского*. Есть в городе улица *Кочетова*, увековечившая имя одиозного советского литературного деятеля, который родился в Новгороде и время от времени посещал родной город как ленинградская знаменитость. Самый поздний меморатив – *проспект Корсунова*, переименованный таким образом из Григоровского шоссе после гибели мэра города Александра Корсунова в память о нём, говорит о том, что меморативный принцип жив, как жива и традиция использования в годонимии родительного падежа (возможность назвать проспект Корсуновским – не обсуждалась).

В старой же части советские годонимы существуют как теньевые, не официальные, но не забытые. Они, как уже было сказано, звучат в устной речи горожан, на радио и даже встречаются в письменных текстах. Такую живучесть советских годонимов можно объяснить не только цепкостью человеческой памяти, консервативностью языковых привычек, но и

неудачами языковой политики властей, которые проявились в недостаточно квалифицированном отборе для возвращения в городскую среду и недостаточно продуманными действиями по их внедрению, вплоть до написания имен на адресных табличках. Один из самых серьёзных просчётов языковой политики городских властей видится в отсутствии лингвистического обеспечения в проведении переименований и новых именований городских улиц.

Литература

Афанасьев А. В. Равнение на поколение победителей. – Великий Новгород, 2006.

Васильев В. Л. Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования). – Великий Новгород, 2005. – 468 с.

Горбачевич К., Хабло Е. Их именами названы улицы Ленинграда. – Л., 1961.

Городские имена вчера и сегодня: Ленинградская топонимика / Сост. С. Алексеева, А. Владимирович, А. Ерофеев и др. – Л., 1990. – 160 с.

Ефремов Ю. К. О ходе и принципах наименования московских улиц // Вопросы географии. Сб. 126. Географические названия в Москве. – М., 1985. – С.34—35.

Зайцев И.А. , Кушнир И.И. Улицы Новгорода. Л., 1975.

Кохановский В. А. Русская лексика скандинавского происхождения по данным отечественной лексикографии // Языковые факты и теория языка:

Сборник статей, посвященный 60-летию профессора В.В.Иваницкого. – Великий Новгород, 2008. – С.69 – 83.

Кусов В. С. Топонимия Москвы на русских чертежах XVII века // Вопросы географии. Сб. 126. Географические названия в Москве. – М., 1985. – С.164—166.

Мозгалёва Л. А. Исторические представления младших школьников в работе над именами улиц города Великого Новгорода: Дипломная работа (кафедра ПиМНО). – Великий Новгород, 2004.

Нарышкин Г. Дивогост, Людогост и другие // Новгород 6.03. 1997.

Орлова Е. О. Картина мира в названиях улиц Великого Новгорода. – Великий Новгород, 2002. – 76 с.

Петрова Л. Я. О функционировании возвращенных названий улиц Великого Новгорода // Топонимия и диалектная лексика Новгородской земли: Материалы Международной научной конференции «Историческая топонимика Великого Новгорода и Новгородской земли» 13-15 ноября 2001. – Великий Новгород, 2001. С.29— 32.

Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд. – М., 1988.

Сергеева Л. Н. Учимся любить родное слово: Материалы для внеклассной работы по русскому языку. – Великий Новгород, 2000. –54 с.

Строгова В. П. Древние топонимы Новгорода и его окрестностей. – Новгород, 1993. – 42 с.

Строгова В. П. Названия улиц древнего города (по материалам летописей) // Новгород в культуре Древней Руси. – Новгород, 1995. – С. 84—88.

Шмелева Т. В. Современная топонимия: семантика и семиотика // Лингвистическое краеведение: Межвузовский сборник научных трудов. – Пермь, 1991. – С.33– 37.

Шмелева Т. В. Новгородский ономастикон // Слово и фразеологизм в русском литературном языке и народных говорах: Межвузовский сборник научных трудов. Памяти Николая Ивановича Лаврова.— Великий Новгород, 2001а. – С.187– 193.

Шмелева Т. В. Древние топонимы в современной городской среде // Топонимия и диалектная лексика Новгородской земли: Материалы Международной научной конференции «Историческая топонимика Великого Новгорода и Новгородской земли» 13-15 ноября 2001. – Великий Новгород, 2001б. – С.32–35.

Шмелева Т. В. Как обращаться с Чудинцевой улицей, или Чудеса с окончаниями, падежами и прилагательными // Новгородские ведомости № 4. 16 января 2007а. Рубрика «Извините, вы ошибаетесь!».

Шмелева Т. В. Одной Чудинцевой сыт не будешь, или Немного о грамматике притяжательности // Новгородские ведомости № 71. 30 мая 2007б. Рубрика «Извините, вы ошибаетесь!».

Шмелева Т. В. Ономастический ландшафт Великого Новгорода // Новгородика – 2006: Материалы науч. конф. 20—22 сент. 2006 г. – Великий Новгород, 2007в. Ч. I. – С. 132—140.